

Напольских В. В. (Ижевск)

**Кентавр ~ гандхарва ~ дракон ~ медведь:
к эволюции одного мифологического образа в Северной Евразии**

В данной статье развивается и корректируется этимология, ранее изложенная в [Напольских 1997].

В финно-угорских языках народов, живущих преимущественно в таёжной зоне Восточной Европы и Западной Сибири, имеется представительный корпус слов, заимствованных из языков их древних степных соседей-ариев (см.: [Штакельберг 1893; Munkácsi 1901; Jakobsohn 1922; Joki 1973; Rédei 1986]). Финно-угорско-арийские контакты восходят как минимум к III тыс. до н. э., когда в ещё нераспавшийся финно-угорский праязык попали арийские слова, отражающие весьма раннее состояние (до перехода ПИЕ **o* и **e* > ар. **a*), и продолжались вплоть до смены в степной зоне иранских языков тюркскими. Семантически арийские и продолжающие их иранские заимствования охватывают многие слои культурной лексики, в том числе среди них представлены религиозные, мифологические, социальные термины, названия металлов и т. д. Дольше всего и наиболее активно контактировали с иранцами предки пермских народов (удмуртов и коми) в Поволжье и Предуралье и угров, в особенности – венгров, в Западной Сибири и в лесостепи Урала и Поволжья. Именно в этих языках имеет смысл искать новые иранизмы. Для иранистики значения этих материалов состоит, в частности, в том, что нередко финно-угорские языки выступают в роли своего рода «холодильника», в котором сохраняются старые формы и значения, давно утраченные в самих иранских языках (ср., например, фонетический облик удм. *suzer* ‘младшая сестра’ при др.-инд. *svasar* и осет. (ирон.) *xo*). Ниже рассматривается один из весьма интересных в историко-культурном плане поздних пермских иранизмов.

Удм. *gondjir* ‘медведь’ ~ коми-зыр. *gundjir*, (Печ.) *gundjirli*, (ВВыч.) *gundjirli*, (Луз., ВСыс.) *gundjil’* ‘дракон, змей, многоголовое чудовище, гидра, злой дух – сын ведьмы *Йомы*’; (Вым.) *gundjir ćeri* ‘маленькая рыбка с широкой головой и острым хвостом, суеверные люди боятся её и считают поганой’ (*ćeri* ‘рыба’) < ППерм. **gundzr* / **gondzr* [КЭСК: 83; ССКЗД: 93; Лыткин 1955: 98]¹.

Помимо вымского композита все значения коми-зыр. *gundjir*, обычно приводимые в словарях и этимологических исследованиях (см., напр.: [Fokos-Fuchs 1959 I: 273; Wichmann, Uotila 1942: 63; Rédei 1971: 423]), практически полностью укладываются в круг эпитетов, применяемых для *Змея-Горыныча* в русских сказках (‘змей’, ‘лютый зверь’, ‘чудо-юдо’, ‘чудище’ и т. д.). Связь коми *Гундыра* с *Йомой* (коми *joma* – мифологический персонаж, лесная хозяйка, ведьма, примерно соответствует русской *Бабе-Яге*) в коми фольклоре – также может быть результатом адаптации русской сказки о борьбе богатыря со *Змеем-Горынычем* и его матерью или женой (о вариантах с *Йомой* как женой *Гундыра* см.: [Плесовский 1992]). Таким образом, коми-зыр. *gundjir* – фольклорный персонаж, соответствующий русскому *Змею-Горынычу*, дракон (об особенностях, которые, возможно, отличают его от *Змея-Горыныча* см. ниже). Печ. *gundjirli*, ВВыч. *gundjirli* означают, согласно словарю Д. Фокош-Фукса, не ‘дракон’, а ‘похожий на чёрта, водяного духа, трёх-, шести- или девятиголовый человек’: *vasa, ćert mojdin šučenj gundjirli* ‘водяного, чёрта в сказках называют *gundjirli*’ [Fokos-Fuchs 1959 I: 273]. Ср. также ВВыч. *gundjirli* ‘вид птицы’ [Сорвачёва 1966: 142]. Таким образом, слова на *-li* означают в коми диалектах ‘подобный дракону-гундыру’, следовательно прав К. Редеи, который выделял в этих словах такой суффикс и рассматривал ВСыс., Луз. *gundjil’* как результат контаминации форм *gundjir* и *gundjirli* [Rédei 1971: 423].

Сама же основа слова удм. *gondjir* ~ коми-зыр. *gundjir* должна рассматриваться как достаточно поздняя двусоставная, прежде всего потому, что сохранение старого (до- или

компонента как удм. *gon* ‘шерсть’!), и в третьих, наконец, появление огласовки на *-u-* и странного развития семантики в коми. Ссылка на «табуацию слов» (как в [Rédei 1971: 423]) в данном случае ничего не проясняет: едва ли, в самом деле, *o* в коми языке является более «табуированным» звуком, чем *u*!

Учёт значения коми слов не позволяет однозначно реконструировать значение ППерм. **gundzr* / **gondzr* как ‘медведь’ с переходом семантики > ‘дракон, etc.’: следует, по крайней мере, допускать возможность и обратного развития ‘дракон, чудище’ > ‘медведь’, кажущуюся более естественной с точки зрения гипотезы «словесной табуации», значение которой справедливо подчёркивает К. Редеи, говоря о невозможности реконструировать древние (хотя бы общефинно-пермские) названия для волка и медведя [Rédei 1971:421-423]². Однако, говоря о табуации, нельзя упускать из виду того обстоятельства, что помимо описательных терминов (типа венг. *farkas* ‘волк’, букв. ‘хвостатый’) в таких случаях могут использоваться и заимствования (типа венг. *medve* ‘медведь’ ← слав.)³. Предполагаемая связь первого компонента пермского названия ‘медведя / дракона’ с иран. **gūn* ‘шерсть’ наводит на мысль о возможности иранского происхождения всего слова.

Ср. осет. (ир.) *kæf^qyndar* ‘дракон, чудовище (фольк.)’ = (по версии В. И. Абаева) *kæf-q^un-dar* букв. ‘рыба шерстью покрытая’, где *kæf* = осет. *kæf* ‘рыба’, *q^un* = осет. (ир.) *q^un*, (диг.) *ǰun* ‘волос, шерсть’ < иран. **gūn* [ИЭСОЯ I: 576; II: 326-327], а *dar* связано с осет. (ир.) *darun*, (диг.) *darun* ‘держат, поддерживают, содержат (скот), носить одежду’ (< иран. **dār-* ‘иметь, держать’) [ИЭСОЯ I: 345-347]. Если считать пермское слово иранизмом, следует предполагать существование в древности иранской усечённой формы типа **gūn-dār* ‘дракон’, букв. ‘покрытый (одетый) шерстью’, которая, в принципе, вполне допустима. В связи с этим сразу следует оговориться, что коми (Вым.) *gundir čeri* (см. выше) едва ли прямо связано с осет. *kæf^qyndar* – в коми мы имеем очевидный поздний композит со значением ‘страшная рыба’.

Среднеиранское⁴ **gūndār* могло быть заимствовано в пермский праязык в позднепрапермскую эпоху, когда уже существовали звонкие анлаутные смычные, в силу чего, во-первых, в пермских языках сохранилось **g-*. Во-вторых, сочетание **-nd-* не попадало под деназализацию: имеется по крайней мере ещё один пример, иллюстрирующий данное развитие (ср.-иран. **-nd-* > перм. *-nd-*): удм. *andan* ~ коми *jemdon* ‘сталь’ (в коми языке это слово видоизменилось вследствие народной этимологизации – переразложения на коми *jem* ‘игла’ и *don* ‘цена’ или, скорее, *jen* ‘бог’ и *don* ‘раскалённый, блестящий, сверкающий’) ← ср.-иран.: осет. *aendon* ‘сталь’ [Rédei 1986: 65]. Не вызывает сложностей и вокализм: переход **ā* второго слога в перм. **z* объясним как общей редукцией непервых слогов в прапермском, так и возможным безударным положением этого гласного в языке-источнике; появление нетривиального *o* на месте старого **u* в первом слоге в удмуртском может быть объяснено, во-первых, как результат ‘пермского умлаута’ – чередования **ō* / **ū* (? **o* / **u*) в явно однокоренных словах (см.: [Напольских 1995: 171]), и, во-вторых, опять-таки народной этимологизацией, осмыслением первой части слова **gūndār* как соответствующей удм. *gon* ‘пух, шерсть, волосы’ (< перм. **gōn* ← иран. **gūn*).

Развитие семантики в удмуртском по линии ‘дракон’ > ‘чудище’ > ‘медведь’ вполне естественно в свете обсуждённой выше гипотезы о словесном табу. Впрочем, есть основания полагать, что такой переход значения начался ещё в позднепрапермское время и охватил даже часть докоми диалектов – ср. коми-перм. (Нердв.) *gundirčaca* / *gundurčaca* ‘подснежник’ (*čaca* ‘цветок’) [КПСл: 110]. Значение ‘дракон’ для первой части композита здесь было бы трудно объяснить, а семантика ‘медвежий цветок’ = ‘подснежник’ вполне понятна: подснежник расцветает, когда медведь покидает берлогу. В коми, удмуртском, русском и др. языках имеется множество названий растений с прилагательным ‘медвежий’ (см., напр. [СРНГ XVIII: 67-68]), однако прямую семантическую параллель мне удалось найти лишь в эрзянском языке: *ovtoń bajaga* ‘подснежник’, букв. ‘медвежий колокольчик’ [ЭРВ: 430].

Памятники мелкой пластики так называемого «пермского звериного стиля» раннего средневековья Прикамья и Предуралья дают в изобилии изображения драконоподобных существ (именуемых обычно в литературе «ящерами») [Плесовский 1992], что указывает на наличие такого персонажа в мифологии носителей пермского праязыка на его поздней стадии. Проблема генезиса пермского звериного стиля далека от решения, но едва ли стоит сомневаться в том, что одним из его истоков был звериный стиль в искусстве ираноязычных степных племён Евразии, из языка которых и попало в пермские рассматриваемое здесь слово с исконным значением ‘дракон’. Древность образа дракона в пермской традиции, таким образом, не подлежит сомнению, но при этом нет никакой необходимости в умозрительных построениях о самостоятельном сложении этого образа в фольклоре коми на базе “тотема-медведя” (на самом деле у нас нет серьёзных оснований говорить о существовании у пермян развитых тотемистических представлений вообще и представлений о тотеме-медведе в частности), “принявшего обобщённо-синтезированный образ медведя-ящера-птице-рыбы” [Плесовский 1992: 14]. Хорошо известно, что образ дракона, присутствующий в фольклоре многих народов Евразии, в большинстве случаев является результатом заимствования, равно как и названия этого персонажа. Рассматриваемый здесь образ и имя дракона в коми традиции также, видимо, появились в результате заимствования среднеиранского (древнеосетинского – ?) термина и, вероятно, образа, адаптации его в пермской религиозно-мифологической системе (частный результат этой адаптации – появление значения ‘медведь’ у деривата рассматриваемого корня в удмуртском языке) – и позднейшего русского влияния на сказочный фольклор коми.

Однако, наблюдения Ф. В. Плесовского над взаимодействием образов дракона и медведя в пластике пермского звериного стиля – если отбросить ненужные тотемистические рассуждения и наивную автохтонистскую интенцию – весьма интересны, учитывая возможность начала развития значения рассматриваемого слова ‘дракон’ > ‘медведь’ уже в позднепрапермском. На рис. 1 приведены несколько изображений, которые позволяют проиллюстрировать это развитие и сделать ряд других наблюдений.

К сожалению, большинство находок были сделаны случайно, и более-менее точная датировка их невозможна. Максимальный временной разброс этих памятников – от середины I до начала II тыс. н. э. По всей вероятности, они были созданы предками пермян (коми и удмуртов), говоривших на позднепрапермских диалектах, хотя в ряде случаев речь скорее должна идти не о прямых языковых предках этих народов, а о парапермских группах (говоривших на диалектах пермского праязыка и вошедших в состав исторических пермян, но не оставивших живых языков, особенности которых прямо восходили бы к этим диалектам). Я намеренно разместил изображения на рисунке в определённом порядке: он может отражать и их относительную хронологию (которая на самом деле не ясна), но главное в нём – предполагаемое становление и развитие на базе неясных древних космогонических представлений темы годового природного (и хозяйственного – охотничьего) цикла, состоящего из периодов, определяемых животными, – и развитие образов дракона и медведя. Если в предположительно более ранних композициях (№ 1, 2, 3, 4) можно видеть изображение картины мира, в центре которой стоит антропоморфное существо с зооморфными чертами («человеколось»), основу составляет водный «ящер», а сверху замыкает структуру «змей», то медвежьи изображения с самого начала (№ 5, 6) могут содержать идею какого-то цикла, может быть годового. При этом медведь является основной фигурой – возможно, в силу особого образа жизни медведя (деление медвежьего года на активный период и зимнюю спячку) и, соответственно, в силу ассоциации с ним весеннего пробуждения природы и периодов начала летней половины года и её конца (ср. возможно две фигуры медведя на № 7 и позицию медведя на № 8, см. также [Конаков 1987] ⁵). Можно предположить, что с переходом от «космогонического» изображения к «календарному» (в хронологическом плане «календари», № 7, 8, 9 почти наверняка являются более поздними памятниками) образы «ящера», «змея» и «человеколось» вытесняются медведем. Скорее всего в этом реконструируемом развитии имело место соединение, контаминация и

взаимозамещение «медвежьей» (изначально таёжной – ?) и «драконьей» (заимствованной с юга) традиций.

Имея в виду иконографию пермского «ящера» стоит вернуться к этимологии осет. *kæfq^wundar*. Водный характер пермского «ящера» и связь его с рыбами очевидна хотя бы по изображению №1 на рисунке. Это отлично согласуется с элементом *kæf* ‘рыба’ в осетинском названии ‘дракона’. Однако, предложенное В. И. Абаевым простое объяснение *q^wundar* как ‘покрытый шерстью’, по-видимому, представляет собой всё-таки дань народной этимологии (которая могла оказать влияние на фонетический облик осетинского слова). Дело в том, что осет. *q^wundar* трудно отделять от широко известного названия класса демонических существ в арийских языках: др.-инд. *gandharva-* (? *gandharba-*) ‘гандхарва (мифологическое существо)’ ~ ав. *gandarəwa-*, *gandrəwa-* (= ⁺*gandərəβa-*), пехл. *gndlp'* (= ⁺*gandareb*) ‘гандарэб (демон)’ ~ (?) согд. *γntrw-* (?) ‘водный демон’ ~ шугн. *žindūrv / žindūrγ* (м. р.), *žindīrv / žindār / žindārγ* (ж. р.) ‘оборотень, фантастическое чудовище, дракон; обжора’ (~ рушан. *žändūr* (м. р.), хуф. *žindirγ* (ж. р.)) [Bartholomae 1904: 493; KEWAI I: 321-322; Morgenstierne 1974: 110; ДМХ XXVII, 49; ШРС: 526-527]. Сопоставление этих слов с осет. (*kæf*)*q^wundar* и ППерм. **gundzr / *gondzr* было предложено И. М. Стеблиным-Каменским⁶ (личное сообщение; см. также [Steblin-Kamensky 2000: 162]) и недавно поддержано и развито В. Блажеком [Blažek 2005: 175-177] (там же см. и материал о *гандхарвах* в дополнение к приводимому ниже), и сегодня я склонен считать его более предпочтительным, нежели версию В. И. Абаева – ещё и потому, что осетинский *kæfq^wundar* по тем его особенностям, которые мне известны, вполне сопоставим с арийскими *гандхарвами*.

Осетинский *kæfq^wundar* представляет собой сказочное драконоподобное существо, связанное с водой (закрывающее людям доступ к воде) и охотящееся на (получающее в жертву – ?) девушек [ИЭСОЯ I: 576]. Развитие вокализма первого слога в осет. *q^wundar* < **gandar(β)-*, вероятно, следует объяснять народной этимологией в русле толкования, предложенного В. И. Абаевым (ассоциация со словом ‘шерсть’).

Весьма лапидарные сведения о *гандарэбе* в зороастрийской традиции описывают его как водного демона “с золотыми пятками”, сына *Ахуры* (– ?), хозяина водных глубин с огромной пастью, готового уничтожить мир, с которым в море *Вору-Каша* борется и побеждает его *Сама-Кэрсаспа* (для понимания образа *гандарэба* может иметь значение упоминание в книге «Ривайят» о том, что *Сама-Кэрсаспа* содрал с него шкуру) [Ав.: Ардвисур-Яшт, 38; Рам-Яшт, 28; Замйад-Яшт, 41; Авеста: 433; Зороастрийские тексты: 102, 125].

Образ *гандхарва* (точнее, *гандхарвов*, поскольку слово нередко употребляется во множественном числе и из контекста ясно, что речь идёт о целом классе мифологических существ) в древнеиндийской традиции (прежде всего в Ригведе и Атхарваведе) описан лучше, но также остаётся весьма неясным и даже противоречивым. С одной стороны, *гандхарвы* обитают в небесной выси, в бесконечных пространствах, связаны с небесным светом, тучами, солнцем, звёздами, возможно – с радугой. Вторая их функция – связь с *Сомой*: *гандхарва* охраняет место, где живёт (растёт) *Сома*, стоя на небосводе наблюдает все формы *Сомы*, лелеет его вместе с *Парджаньей* и дочерью солнца; есть версия о том, что *гандхарвы* хранили *Сому* для богов, но не смогли сохранить – и противоположная, о том, что *Сома* был похищен *гандхарвом Вишвавасу* (‘владеющий всем добром’ – этот эпитет мог изначально применяться к *гандхарвам* вообще), но затем был выкуплен у *гандхарвов*, в силу их похотливости, за богиню речи *Вач*, или же *Сома* в виде орла улетел от них, при чём один из *гандхарвов*, *Кричану* стрелял в него. С другой стороны, *гандхарвы* связаны с водной стихией, от “водного *гандхарва*” и *апсары* родились *Яма* и *Ями*. Любовные отношения с *апсарами* и похотливость вообще – ещё одна черта *гандхарвов*; союз *гандхарвов* с *апсарами* служил символом брачного союза; незамужние девушки считались принадлежащими *гандхарвам*. Что касается их внешнего облика, в Ригведе упоминаются развевающиеся волосы, блестящее оружие, красота и благоухающие одеяния *гандхарвов*, а в Атхарваведе они описываются как косматые полуживотные, опасные для людей, с неприятным запахом земли, исходящим от

них [MacDonell 1971: 136-137] (последняя характеристика, впрочем, скорее является плодом народной этимологии – ср. др.-инд. *gandha-* ‘(неприятный) запах’ [KEWAI I: 322]).

Смешанный антропо-зооморфный облик, связь с природными стихиями, прежде всего – воздушным пространством, лохматость и похотливость *гандхарвов* заставляет вспомнить старое сопоставление этого слова с др.-греч. *кентаврами*, *Κένταυροι* (< **kentar̥uo-*) [KEWAI I: 321] – дикими полулюдьми-полуконями рождёнными, по одной из версий, облачной нимфой *Нефелой*, известными своей страстью к женщинам. Эта этимология обычно отвергается лингвистами на основании нетривиальных соответствий в консонантизме. Думается, однако, что этому могут быть даны объяснения, не исключающие общности происхождения арийских *гандхарвов* и греческих *кентавров*. Во-первых, и в арийских языках в этом имени присутствует нетривиальное фонетическое соответствие (или, скорее, колебание) др.-инд. *-v-* (/ *-b-* ?) ~ иран. *-b-* (/ *-w-* ?) (кстати, пехл. написание *gndlp'*, вероятно, скорее указывает на форму ⁺*gandar(e)b*, чем на ⁺*gandarw* как в [Зороастрийские тексты: 102, 125]), и это обстоятельство служит основой для предположения о том, что данный термин принадлежит к числу заимствований, проникших в арийские языки из неизвестного субстрата [Lubotsky 2001: 304]. Если принять эту гипотезу, то можно предположить аналогичное происхождение и др.-греч. *Κένταυροι*, и странности соответствий в консонантизме могут быть тогда объяснимы различной адаптацией слова неизвестного языка-источника ⁷. Кроме того, следует иметь в виду, что и *gandharva-*, и *Κένταυροι* без сомнения подверглись искажениям вследствие народной этимологии. Полагаю, что данная арийско-греческая параллель безусловно не является случайной, но должна рассматриваться не как праиндоевропейское наследие, а как результат ареально-генетических арийско-греческих контактов, возможно – результат взаимодействия этих языков с каким-то третьим, неизвестным языком.

Естественно, охарактеризовать общий мифологический прототип греческих *кентавров* и арийских *гандхарвов* ещё труднее, чем определить основные черты и функции последних (хотя, как указано выше, некоторые сближающие их особенности всё же имеют место быть). Тем большее значение поэтому приобретает привлечение пермского материала.

Коми *gundjir* обнаруживает ряд черт, позволяющих сближать его с осетинским драконом и *гандхарвом*: в более старых памятниках он чаще предстаёт в антропоморфном облике, в виде многоголового великана, в силу чего его змеиная природа – не единственно возможная; обитать *gundjir* может как на земле, так и на небе, но чаще всего является из воды, или прилетает в виде чёрной тучи; он предстаёт хозяином озера или моря и волшебных предметов, склонен к похищению женщин; дыхание его – нечистое [Мифология коми: 136]. Естественно, многие из этих черт свойственны и другим евразийским драконам, и *Змею-Горынычу* русских сказок, с образом которого контаминировал коми *gundjir*. Поэтому особый интерес представляет поиск возможных реликтов свойств *гандхарвов* в удмуртских представлениях о медведе – и некоторые интересные наблюдения можно сделать. Сказки о похищении медведем девушек известны у удмуртов, как и у всех народов Евразии и вряд ли могут рассматриваться как реликт историй о похотливости *гандхарвов*. О грибном (идушем при солнечной погоде) дожде удмурты говорят *gondjir kišno bašte* / *gondjir kišnojaške* ‘медведь женится’ / *gondjir vil' kenak pjrte* ‘медведь вводит (в дом) сноху / невестку’, однако подобные выражения существуют и у других народов, например, у южных славян (см. [Kuusi 1957]). Более вероятный реликт представлений о *гандхарве* как о хозяине вод можно увидеть в традиции, известной у башкирских удмуртов: набирая воду из колодца (аналогично поступают и, когда впервые пьют из родника [ПМА]), отливают часть воды из ведра, говоря *gondjirze kištiško* букв. ‘медведя отливаю’ [Миннихметова 2003: 173] (именно так переводит эту фразу Т. М. Миннихметова; думаю, однако, что скорее здесь вполне можно видеть эллипсис и переводить ‘медвежью (долю) выливаю’).

В виде медведя в удмуртской традиции (у северных удмуртов) мог представать дух-хозяин хлева и скота *gid kužo* букв. ‘хозяин хлева’, а также именуемый просто *gondjir* ‘медведь’ дух, обитающий в подполье, в погребе, в амбарах. Он считался ближайшим

родичем домового и заведовал хлебными и другими припасами, наказывая их исчезновением тех, кто его как-либо обидел [Первухин 1888: 89, 91-95]. Вероятно, медведеподобный образ каких-либо домашних духов не является специфической особенностью удмуртской традиции, и здесь, кажется, нет прямой параллели с *гандхарвами*, но любопытно в свете нашего исследования сообщение об обычае южных удмуртов приносить ради приплода скота в наступающем году весной жертву на скотном дворе (адресат не назван, но, судя по месту и назначению обряда, это был скорее всего *gid kužo*): помимо хлеба и прочих обычных даров главной составляющей этой жертвы была уха и варёное мясо двух щук [Wasiljev 1902: 67–68]. Рыбы крайне редко выступали в удмуртской религии как жертвенные животные, и это заставляет подозревать особую связь духа-покровителя скота, именуемого у северных удмуртов также интересующим нас словом *gondjir* с водной стихией.

Возвращаясь к изображениям пермского звериного стиля (см. рис.), следует обратить особое внимание на «взаимоперетекание» персонажей на изображениях №1-4: граница между человеком, лосем, «ящером» и другими фигурами на них весьма условна. Не может ли это обстоятельство отражать сложный и разнообразный по функциям и атрибутам образ антропо-зооморфного существа, связанного с воздушной и водной стихией, подобного арийскому *гандхарву*? Естественно, все наши предположения такого рода обречены оставаться гадательными, и я – в особенности в части анализа пластики пермского звериного стиля – ни в коем случае не претендую на исчерпывающее исследование, ограничиваясь лишь эскизными наметками. Однако, рассмотрение всех приводимых здесь данных в комплексе, по-видимому, необходимо.

Важной проблемой является вопрос о хронологии. Поскольку, как уже было отмечено выше, ППерм. **gundzr* / **gondzr* не прошло пермскую деназализацию, оно может быть только очень поздним заимствованием: под деназализацию попали протославянские / балто-славянские заимствования в прапермский (см., например, ППерм. **rüb-* ‘вырубать, делать паз, зарубку’ (> удм. *žibi* ‘паз’ ~ коми *riḃni* ‘делать зарубы, засечки’ ← балто-славянское: слав. **rōbiti* ‘рубить’ ~ лит. *rumbūoti* ‘подрубать’), которые датируются примерно V–VII вв. н. э., но в эпоху контактов пермян с первыми в Среднем Поволжье тюрками – булгарами (с конца VIII или с начала IX в.) деназализация уже не действовала (подробнее см. [Напольских 2006]). Поскольку изображения пермского звериного стиля датируются VI веком и позже, можно допускать, что в эту эпоху пермская деназализация уже угасала (в протославянских заимствованиях она могла ещё действовать, например, потому, что в языке-источнике было не сочетание «носовой согласный + смычный», а «назализованный гласный + смычный»), и в слове с угадываемой народной этимологией первой частью (см. выше) сочетание **-nd-* могло сохраниться. Следовательно, рассматриваемые здесь изображения середины I тыс. н. э. хронологически могут иллюстрировать образ существа, обозначавшегося ППерм. **gundzr* / **gondzr*, заимствованным в конечном счёте от арийского названия *гандхарва*.

Не исключено, однако, что такое заимствование было неоднократным, и интересующий нас образ был известен ещё носителям раннего пермского праязыка: в качестве такой более ранней пермской параллели к рассматриваемому здесь арийско-греческому названию мифологического персонажа представляет интерес удм. *gudjiri* ‘гром’ ~ коми *gudjir* ‘муть, осадок; мутный; (Иж., Уд.) пасмурный, сумрачный (о погоде)’ ~ мар. *küḍarčö* ‘гром’ [КЭСК: 82]. Самая ранняя – до начала общепермской деназализации (см. выше) – праформа пермского корня может быть восстановлена в виде **kḡntzrз* (в этом случае марийское слово следует скорее всего рассматривать как пермское (древнеудмуртское) заимствование после деназализации). Сходство допермской формы **kḡntzrз* (глухие **k-* и **-t-* здесь – известная условность, дань финно-угроведческой традиции: если слово было откуда-то заимствовано, в языке-источнике на их месте мог быть любой гоморганный смычный) с возможной праформой названия *гандхарвов* / *кентавров* бросается в глаза. В этом случае перед нами – заимствование более раннее, нежели название ‘дракона / медведя’, и его следует датировать никак не позднее середины I тыс. н. э. В

принципе – хотя это требует нетривиального допущения – можно предположить, что заимствование было одно, но праформа **kǵntʒrʒ* в условиях, когда действие пермской деназализации заканчивалось, дала два варианта: **gudʒrʒ* с деназализацией и переходом значения в ‘гром, непогода’ и **gundʒr / *gondʒr* без деназализации (возможно, в связи с народной этимологией ‘мохнатый’) и с сохранением значения ‘мифологическое существо, дракон (> медведь)’. В качестве альтернативой этимологии для названия грома в удмуртском и марийском может быть предложена версия об ономапоэтическом характере пермского слова (подражание грохоту грома; при этом, однако, развитие значения в коми требует объяснения) – эту альтернативу, конечно, следует иметь в виду, но всё-таки, на мой взгляд, предлагаемый здесь вариант также заслуживает обсуждения.

Развитие семантики ‘мифологическое существо типа *гандхарва*’ > ‘непогода, гром’ в прапермском представляется вполне вероятной и вновь позволяет дополнить наши представления о функциях *гандхарвов* в арийской традиции. О связи *гандхарвов* с небом и тучами см. выше; что же касается грома и молнии, то, например, *ансары*, сопутствующие *гандхарвам*, характеризуются таким образом: *abhriye didyutrāye yā viśvāvasuṁ gandharva sacadhve* ‘в тучах, звёздах и молниях [ты], следующая *гандхарве Вишвавасу!*’ [АтхВ II, 1, II: 4].

Рассмотренный материал представлен в нижеследующей схеме. Конечный источник интересующего нас слова я восстанавливаю здесь в самом общем виде как **GenDarWv* – имея в виду неясность качества согласных и конечного гласного. Возможно, впрочем, что неизвестного языка-источника не было, и слово это было заимствовано из раннего арийского в догреческий или наоборот. Допермская праформа **kǝntzrз* могла иметь своим источником как тот же неизвестный язык, так и какой-то арийский язык – от раннего индоиранского до среднеиранского (хотя предпочтительная форма типа **gundar* / **gwundar* – то есть максимально близкая к древнеосетинской и, следовательно, относительно поздняя). Таким образом, линии развития, для которых возможны альтернативы, обозначены на схеме пунктиром.

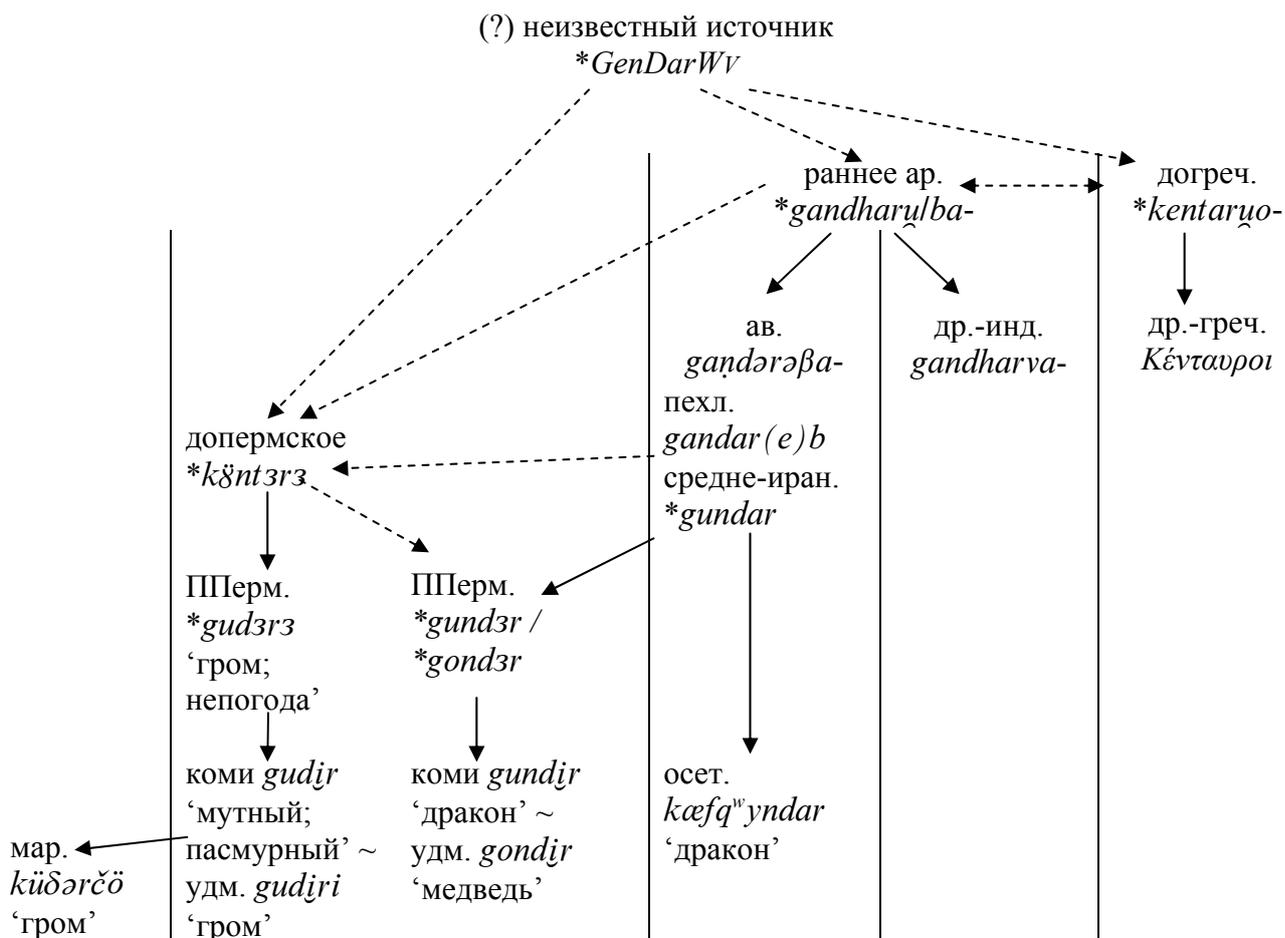
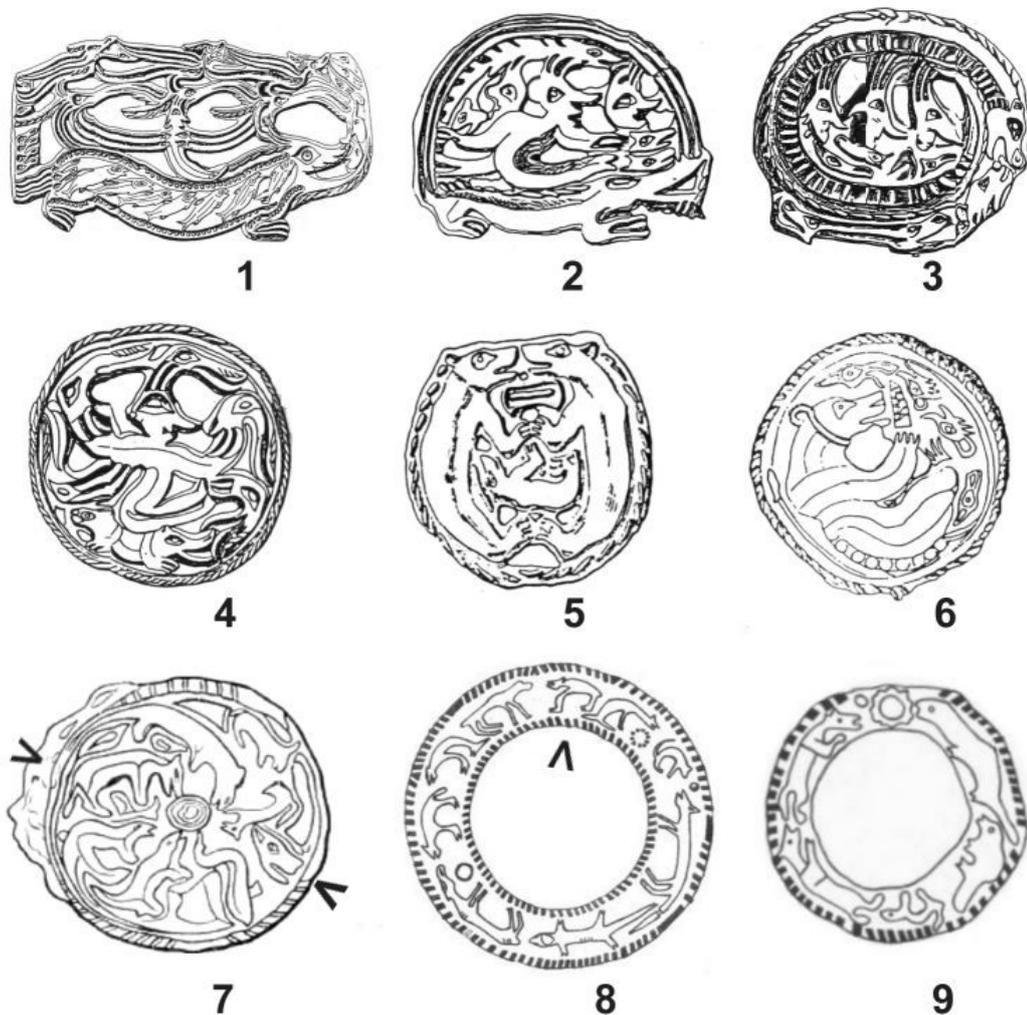

Рис. 1. Изображения дракона и медведя в пластике пермского звериного стиля Прикамья и Предуралья второй половины I тыс. н. э.

1. Бронзовая бляшка VI-VIII вв., найденная у с. Нырғында на Каме (совр. Каракулинский р-н Удмуртской Республики) [Спицын 1906, рис. 108]. В основе композиции – фигура водного зверя («ящера»), покрытого изображениями рыб.

2. Бронзовая бляшка VI-VIII вв., найденная в бассейне р. Ухта (приток р. Ижма, совр. Коми Республика) [Спицын 1906, рис. 106]. Помимо лежащего внизу «ящера» здесь появляется фигура «змея», покрытого поперечными насечками, «обтекающая» композицию сверху – см. №3.

3. Бронзовая бляшка VII-VIII вв., найденная в бассейне р. Ухта [Спицын 1906, рис. 104]. «Змей с насечками» обнимает всю композицию, встречаясь мордой с лежащим в её основе «ящером».

4. Бронзовая бляшка VII-VIII вв., найденная у д. Пешково на Каме (возле г. Березники, Усольский р-н Пермского края) [Спицын 1906, рис. 105]. «Змей» и «зверь» не выделяются (однако, насечки по краю, возможно, представляют собой остаток «змея»), центральная фигура, имевшаяся на №1, 2 (зоо-антропоморфное божество – ?) окружена головами плохо идентифицируемых животных (ср. №6).

5. Бронзовая бляшка, найденная у д. Пешково на Каме (возле г. Березники Пермского края) [Спицын 1906, рис. 324]. Те же насечки по краю, что и в №4 (они сохраняются и в последующих композициях), в основе композиции – две противостоящие друг другу фигуры медведей.

6. Бронзовая бляшка, найденная у д. Пешково [Спицын 1906, рис. 325]. Медведь уже один, и ему противостоит набор голов плохо идентифицируемых животных (ср. №4) – возможно, переход к «календарному» циклу (№7, 8, 9), в котором медведь играет пока основную роль.

7. Бронзовая бляшка, найденная у с. Кишерть (Кунгурский р-н Пермского края) [Спицын 1906, рис. 316]. Очевидно, что изображение совершенно аналогично №8 и 9, интерпретируемым современными семиотиками как «древние календари»: изображения животных, расположенные по кругу, могут обозначать сезоны года. Знаками **V** отмечены изображения, в которых можно видеть медведя.

8. Бронзовый «древнекоми промысловый календарь» в прорисовке Н. Д. Конакова. Найден у с. Сторожевск на р. Вычегде (Коми Республика). Знаком **V** отмечено изображение медведя по Н. Д. Конакову (второе от предполагаемого солярного знака, обозначающего весеннее равноденствие) [Конаков 1987].

9. Одно из двух идентичных бронзовых изображений, найденных “в Верхнем Прикамье” (видимо, на территории быв. Коми-Пермяцкого округа) – «древний коми-пермяцкий календарь» в прорисовке Н. Д. Конакова, по его мнению – более поздний, чем №8 [Мифология коми: 97-98]. Медведь здесь уже отсутствует.

Примечания

¹ Для нефинно-угроведческого журнала имеет, вероятно, смысл пояснить некоторые общепринятые в пермистике транскрипционные знаки: *č* = палатальная глухая аффриката (близкая к рус. *ч* или *ць*), *č̣* = её велярное соответствие (= *чи*, «твёрдый ч»), их звонкие пары обозначаются соответственно как *č̣̣* (звук средний между *дьжь* и *дьзь*, «звонкий ч») и *č̣̣̣* (= *дж*); *i̇* = гласный средне-заднего ряда средне-нижнего подъёма, заднеязычное соответствие *i* (рус. *ы*, *у* в осетинской и тюркологической латинской транскрипции), *ė* = неогубленный гласный средне-заднего ряда средне-верхнего подъёма, *ȯ* и *i̇* = сдвинутые вперёд (среднерядные) *o* и *u*, *z* = неопределённый гласный второго слога в реконструируемых словах, *ɣ* = заднеязычный гласный (более точное качество определить невозможно), *ɣ̣* = переднеязычный гласный.

² И на самом деле, в силу, по-видимому, повсеместного и древнего табуирования названий волка и медведя, нет возможности надёжно реконструировать соответствующие слова для уральского и финно-угорского праязыка. Например, интересная попытка Х. Катца предложить прафинно-угорскую этимологию для ‘волка’ **č̣ɣč̣z* / **č̣ɣč̣z* на основании сопоставления ф. *susi* (Gen. *suden*) ‘волк’ и манс. (Т.) *čes̄*, (СКон.) *šes̄* ‘волк’ [Katz 1988: 90] едва ли приемлема: мансийское слово трудно отделять от удм. *šes̄* ‘хищный’, а фонетический облик последнего не позволяет реконструировать финно-угорскую праформу с аффрикатами.

³ Я в своё время, конечно, был неправ, когда писал, что в качестве названий «табуированных» животных используются описательные термины, а не заимствования [Napolskikh 1993: 48].

⁴ В определении источника позднейших иранизмов в пермских и др. финно-угорских языках я не использую терминов *древнеосетинский* или *аланский*, во-первых, в силу имеющейся в финно-угроведении традиции и, во вторых, по причине невозможности с уверенностью говорить о том, что источником этих слов был именно древнеосетинский язык (или язык аланов). При этом более близких аналогов, чем осетинские для большей части праформ поздних иранизмов в финно-угорских языках, как правило, не находится (ср., однако, например, коми *ńebeg* ‘книга’, имеющие ближайшую параллель не в осетинском, а в пехлеви [Rédei 1986: 74]).

⁵ Связь медведя с весной отражена не только в коми традиции [Конаков 1987] (см. выше также коми-пермяцкое название ‘подснежника’), но и в удмуртской. В частности, общепермское название ‘медведя’ сохранилось в удмуртском, пожалуй, только в народном

названии апреля: *oštolež* (*tolež* ‘месяц’), которое сегодня понимается как ‘месяц быка’ (удм. *oš* ~ коми *eš* ‘бык’ < ППерм. **oš*(*k*-) ← ар.), что не имеет смысла. Здесь очевидно следует видеть деэтимологизированный рефлекс ППерм. **oš* (> коми *oš*, в удмуртском было бы ожидаемо **uš*) ‘медведь’, которое в удмуртском языке было вытеснено рассматриваемым здесь *gondir*.

⁶ Пользуюсь случаем поблагодарить Ивана Михайловича Стеблина-Каменского за его консультации и помощь в написании этой статьи.

⁷ Не рискну углубляться в эту сложную проблему, не будучи специалистом в индогерманистике, но не могу не привести, как мне кажется, заслуживающей внимания параллели: осет. (ир.) *gwumiry* / (диг.) *gumeri* ‘великан’ ← груз. *gmiri* ← аккад. *Gimirri* ‘киммерийцы’ ~ др.-греч. *Κιμμέριοι* ~ (??) слав. *kumirŭ* ‘кумир’ [ИЭСОЯ I: 530]. Возможность возникновения соответствия иран. *g*- ~ др.-греч. *k*- при заимствовании из какого-то кавказского или переднеазиатского языка (киммерийского – ?) – или при заимствовании из арийского в греческий (если считать киммерийцев ариезычным народом и предполагать, что этот этноним попал в греческий из их языка), таким образом, подтверждается. Что же касается ар. **-dh-* ~ др.-греч. **-t-*, здесь, как уже отмечено выше, могло сказаться переосмысление греч. *Κένταυρο-* в связи с *ταῦρος* ‘бык’.

Сокращения

ав. – авестийский, аккад. – аккадский, ар. – арийский (праиндо-иранский), ВВыч. – верхневычегодский диалект коми языка, венг. – венгерский, вепс. – вепсский, ВСыс. – верхнесысольский диалект коми языка, Вым. – вымский диалект коми языка, груз. – грузинский, диг. – дигорский диалект осетинского языка, др.-греч. – древнегреческий, др.-инд. – древнеиндийский, др.-рус. – древнерусский, др.-шв. – древнешведский, Иж. – ижемский диалект коми языка, ир. – иронский диалект осетинского языка, иран. – (пра)иранский, коми-зыр. – коми-зырянский, коми-перм. – коми-пермяцкий, лит. – литовский, Луз. – лузский диалект коми языка, манс. – мансийский, маньчж. – маньчжурский, мар. – марийский, нен. – ненецкий, Нердв. – нердвинский говор коми-пермяцкого языка, осет. – осетинский, перм. – пермский, ПИЕ – праиндоевропейский, ППерм. – прапермский, пехл. – пехлеви, Печ. – печорский диалект коми языка, приб.-ф. – прибалтийско-финский, рус. – русский, рушан. – рушанский, СКон. – среднекондинский диалект мансийского языка, слав. – (пра)славянский, согд. – согдийский, ср.-иран. – среднеиранский, Т. – тавдинский диалект мансийского языка, Уд. – удорский диалект коми языка, удм. – удмуртский, ф. – финский, хуф. – хуфский, шугн. – шугнанский, эвенк. – эвенкийский.

Библиография

ИЭСОЯ I-IV. – Абаев В. И. Историко-этимологический словарь осетинского языка. Т. 1-4. Москва – Ленинград, 1958-1989.

Ав. – Авеста. Цит. по изданиям: [Авеста в переводах] и [Zend-Avesta].

Авеста в переводах – Авеста в русских переводах (1861-1996). Сост., ред., прим. И. В. Рака. Санкт-Петербург, 1997.

АтхВ – Атхарваведа. Цит. по изданию: The Atharvaveda. Sanskrit text with English translation by Devi Chand M. A. Delhi, 1990.

ДМХ – Дадестан-и меног-и храд. Цит. по изданию: Зороастрийские тексты.

Зороастрийские тексты – Зороастрийские тексты. Суждения духа разума (Дадестан-и меног-и храд). Сотворение основы (Бундахишн) и другие тексты. Издание подготовлено О. М. Чунаковой / Памятники письменности Востока, 64. Москва, 1997.

Конаков Н. Д. 1987. Древнекоми промысловый календарь (стиль календаря) / АН СССР, Коми филиал. Серия препринтов “Научные доклады”. Вып. 164. Сыктывкар.

КПРСл – Коми-пермяцко-русский словарь. Москва, 1985.

- КЭСК – Лыткин В. И., Гуляев Е. И. Краткий этимологический словарь коми языка. 2-е изд. Сыктывкар, 1999.
- Лыткин В. И. 1955. Диалектологическая хрестоматия по пермским языкам. Москва.
- Миннихметова Т. Г. 2003. Традиционные обряды закамских удмуртов: Структура. Семантика. Фольклор / *Dissertationes folkloristicae Universitatis Tartuensis*, 2. Tartu.
- Мифология коми – Конаков Н. Д. и др. Мифология коми / Энциклопедия уральских мифологий. Том I. Москва – Сыктывкар, 1999.
- Напольских В. В. 1995. Прауральский ‘пуп’ // *Linguistica uralica*, 31:3. Tallinn.
- Напольских В. В. 1997. Происхождение названия ‘медведя’ / ‘дракона’ в пермских языках // *Linguistica Uralica*, 33:1. Tallinn.
- Напольских В. В. 2006. Балто-славянский языковой компонент в Нижнем Прикамье в сер. I тыс. н. э. // *Славяноведение*, 2. Москва.
- Первухин Н. Г. 1888. Эскизы преданий и быта инородцев Глазовского уезда. Эскиз 1. Древняя религия вотяков по её следам в современных преданиях. Вятка.
- Плесовский Ф. В. 1992. Дракон в волшебных сказках и в пермском зверином стиле // *Жанр сказки в фольклоре народа коми / Труды Коми Института языка, литературы и истории УрО РАН*, 53. Сыктывкар.
- ПМА – Полевые материалы автора.
- Сорвачёва В. А. и др. (сост.) 1966. Верхневычегодский диалект коми языка. Сыктывкар.
- Спицын А. А. 1906. Шаманские изображения / Записки Отделения русской и славянской археологии Имп. Русского археологического общества. Том 8, вып. 1. Москва.
- СРНГ – Словарь русских народных говоров. Ленинград.
- ССКЗД – Сравнительный словарь коми-зырянских диалектов. Сыктывкар, 1961.
- ССТМЯ I-II – Сравнительный словарь тунгусо-маньчжурских языков. Сост. В. И. Цинциус и др. Т. 1-2. Ленинград, 1975.
- ШРС – Карамшоев Д. Шугнанско-русский словарь в трёх томах. Т. 1 (А-З). Москва, 1991.
- Штакельберг Р. Р. 1893. Ирано-финскія лексикальныя отношенія // *Древности Восточныя. Труды Восточной комиссии Имп. Московского археологического общества*, 1:3. Москва.
- ЭСРЯ I-IV – Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. Пер. и дополнения О. Н. Трубачёва. Т. 1-4. Москва, 1996.
- ЭРВ – Эрзянь-рузонь валкс. Сост. Б. А. Серебренников и др. Москва, 1993.
- Bartholomae Ch. 1904. *Altiranisches Wörterbuch*. Strassburg.
- Blažek V. 2005. Indo-Iranian elements in Fenno-Ugric mythological lexicon // *Indogermanische Forschungen*, 110. Berlin – New York. 2005.
- Fokos-Fuchs D. 1959. *Syrjänisches Wörterbuch*. Budapest. Bd. 1-2. Budapest.
- Jakobsohn H. 1922. *Arier und Ugrofinnen*. Göttingen.
- Joki A. J. 1973. Uralier und Indogermanen / *Mémoires de la Société Finno-Ougrienne*, 151. Helsinki.
- Katz H. 1988. Finnisch *tosi* < **dmtó*- ? // *Советское финно-угроведение*, 24:2. Таллинн.
- KEWAI I-IV – Mayrhofer M. *Kurzgefaßtes etymologisches Wörterbuch des Altindischen*. Bd. 1-4. Heidelberg, 1956-1980.
- Kuusi M. 1957. Regen bei Sonnenschein. Zur Weltgeschichte einer Redensart / *Folklore Fellows' Communications*, 171. Helsinki.
- Lubotsky A. 2001. The Indo-Iranian substratum // *Early contacts between Uralic and Indo-European: linguistic and archaeological considerations / Mémoires de la Société Finno-Ougrienne*, 242. Helsinki.
- MacDonell A. A. 1971. *The Vedic Mythology*. [Repr. ed.] Varanasi – Delhi.
- Morgenstierne G. 1974. *Etymological Vocabulary of the Shughni Group*. Wiesbaden.
- Munkácsi B. 1901. *Árja és kaukázusi elemek a finn-magyar nyelvekben*. Köt. 1. Magyar szójegyzek. Budapest.

- Napolskikh V. V. 1993. Uralic fish-names and original home // *Ural-altaische Jahrbücher*, 12. Wiesbaden.
- Rédei K. 1971. Szófejtések // *Nyelvtudományi közlemények*, 73:2. Budapest.
- Rédei K. 1986. Zu den indogermanisch-uralischen Sprachkontakten / *Österreichische Akademie der Wissenschaften. Philosophisch-historische Klasse. Sitzungsberichte*, 468. Wien.
- Saarikivi J. 2006. *Substrata Uralica. Studies on Finno-Ugrian substrate in northern Russian dialects*. Helsinki.
- Steblin-Kamensky I. M. 2000. Aryan loanwords in the Komi language // XXXVI International Congress of Asian and North African studies. Book of abstracts. Montreal.
- Wasiljev J. 1902. Übersicht über die heidnischen Gebräuche, Aberglauben und Religion der Wotjaken in den Gouvernements Wjatka und Kasan / *Mémoires de la Société Finno-Ougrienne*, 18. Helsinki.
- Wichmann Y., Uotila T. E. 1942. *Syrjänischer Wortschatz*. Helsinki.
- Zend-Avesta – The Zend-Avesta. Transl. by J. Darmesteter. Parts I-III / *The Sacred Books of the East*. Ed. by F. M. Müller, 4, 23, 31. [Repr. ed.] Delhi, 1992-1994.

Напольских Владимир Владимирович
 д. и. н., профессор кафедры теории языка и перевода
 Факультета профессионального иностранного языка
 Удмуртского университета
 426004 Ижевск, Университетская, 1
vovia@udm.ru napolskikh@gmail.com